

8 июня. Ясно.

Утром, плотно позавтракав мягкими, пышными и ароматными большими баоцзы с говядиной, которые налепила бабушка Сян, Сян Бэй и Мэн Нань завели пикап и отправились в уезд Хума.

Машина выехала из деревни на дорогу, по обеим сторонам которой тянулись ряды тополей.

Солнечный свет просеивался сквозь ярусы листвы, ложась на асфальт пятнами; вокруг было просторно и спокойно.

Вот только дорога оставляла желать лучшего. По этой провинциальной трассе круглый год ходили тяжёлые грузовики, и асфальт был весь в заплатках, словно его залатали тёмными кусками ткани. Колёса то и дело слегка встряхивало.

Сян Бэй сидел на пассажирском месте, смотрел в окно и вдруг рассмеялся:

— Слышал старую шутку? «За Цзилинем — трях-бабах, добро пожаловать в Хэйлунцзян!» Ха-ха-ха...

Он первым расхохотался над собственной шуткой, и смех заполнил салон.

Но постепенно смех стих, а в голосе появилась едва заметная грусть.

— Знаешь, — продолжил он уже спокойно, глядя на убегающую назад чёрную землю, — когда-то эти места называли «Северной пустошью». Потом бесчисленные молодые переселенцы и местные жители потом и молодостью превратили её в «Северную житницу».

— Тогда здесь обнаружили ещё и огромное количество угля, нефти... Бабушка часто рассказывает, что в восьмидесятые-девяностые Северо-Восток буквально купался в деньгах. Многие семьи уже тогда могли позволить себе норковую шубу дороже десяти тысяч юаней, хотя месячная зарплата не дотягивала и до сотни.

Его голос стал ниже:

— А потом запасы полезных ископаемых постепенно начали истощаться, и у городов, живших за счёт энергетики, одна за другой полезли наружу проблемы. Люди уехали, экономика просела. Когда промышленному гиганту пришлось перестраиваться и его даже стали воспринимать как преимущественно сельскохозяйственный регион, слова «бедность» и «отсталость» будто прилипли намертво.

— Продовольствие — основа государства, поэтому цены держат жёстко. Но семена, удобрения, сельхозтехника — разве что-то из этого дешёвое? Крестьянин работает на земле, и с одного му

сухого поля в хороший год, когда погода благоприятная, за весь год заработает всего двести-триста юаней. А случится неурожай — ещё и в минус уйдёт.

— Вот семья дяди тоже только последние пару лет действительно зажила свободнее. А раньше, когда надо было платить за учёбу Сяююаня и Сяохана, дядя даже через силу просил помощи у моего отца...

— Но, — тон Сян Бэя изменился, и в нём появилась надежда, — сейчас всё-таки стало гораздо лучше. Интернет развился, логистика заработала. Наши грибы, голубика, хороший рис... теперь можно продавать на юг и даже за границу. Вот тогда у простых людей понемногу и появились свободные деньги.

— Но слова «зерно — основа государства» у старшего поколения в костях сидят. Пусть сейчас выгоднее выращивать коммерческие культуры, зерновых всё равно сеют немало в каждой семье. Это предел, за который не отступают. Так спокойнее.

— Посмотри на дороги и другую инфраструктуру: да, с внутренними районами страны не сравнить, но всё понемногу становится лучше. Просто... как только наступит конец света, всё то, чего столько лет добивались, неизвестно насколько отбросит назад... И сумеем ли мы вообще когда-нибудь вернуться к сегодняшней жизни — никто не знает.

Мэн Нань всё это время молча вёл машину и слушал его длинный рассказ — то горячий, то печальный. Лишь когда Сян Бэй закончил, тихо спросил:

— Ты очень любишь эти места, да?

— Да, — Сян Бэй тяжело кивнул, всё ещё глядя на бескрайнюю чёрную землю. — Я люблю их. Люблю эту жирную землю, будто из неё масло можно выжать, и люблю здешних людей. На Северо-Востоке холодно, зато люди тёплые: честные, открытые, прямые. В них есть какая-то особая широта и искренность, которой нигде больше нет.

Он вспомнил слова отца и заговорил глубоко и серьёзно:

— Папа всегда говорил мне: «Климат здесь, может, и не самый приятный, но эта земля не должна оставаться без людей. Если на государственной границе исчезнут человеческий дым, свет домов и собственные жители страны, территорию могут начать понемногу отнимать — тихо, почти незаметно».

Пикап спокойно шёл между зелёными горными грядами. Двести восемьдесят километров по провинциальной трассе они проехали чуть больше чем за три часа.

За окнами раскинулась огромная молчаливая чёрная земля — на ней лежали прошлое величие, сегодняшний труд и неясное будущее, которое всё равно нужно было защищать.

Ближе к полудню покрытый дорожной пылью пикап наконец приехал к угольной шахте.

Они вышли, по указанию охранника сразу направились в кабинет директора шахты.

Директором оказался мужчина чуть старше сорока: высокий, крепкий, с обычным для его возраста пивным животом, но, к счастью, с густыми волосами, поэтому выглядел бодро.

Сян Бэй сразу изложил цель — они хотят заказать полторы тысячи тонн угля.

Услышав объём, директор с любопытством спросил:

— Господа предприниматели, вы там угольный склад открываете?

Сян Бэй и глазом не моргнул, соврав:

— Нет, хотим открыть в Тахэ большой банный комплекс. Расход будет серьёзный. Хотим, пока погода хорошая, завезти запас, а то в конце сентября снег пойдёт — по дорогам уже тяжело будет.

Директор понимающе кивнул и назвал цены:

— Уголь второго сорта — шестьсот тридцать за тонну, первого — шестьсот восемьдесят, лучший, особый антрацит — семьсот двадцать.

Цены почти совпали с тем, что говорил Сян Мин.

Сян Бэй спросил ещё:

— А если потом мы не будем сами приезжать за углём, шахта сможет помочь с грузовиками?

— Без проблем, — охотно ответил директор. — У нас много постоянных водителей на «стотонниках». Рейс до Тахэ обойдётся примерно в три тысячи. Но сейчас перегруз контролируют строго: называют их «стотонниками», а реально везти можно максимум около сорока пяти тонн.

— Хорошо, — решил Сян Бэй. — Тогда сначала берём полторы тысячи тонн, самый лучший особый антрацит. Помогите связаться с машинами и через полмесяца начинайте понемногу возить к нам.

Директор достал договор:

— Можно. Но по правилам сначала нужно внести двадцать процентов задатка. Полторы тысячи тонн по семьсот двадцать — общая сумма миллион восемьдесят тысяч. Задаток — двести шестнадцать тысяч. Когда весь товар будет доставлен, остаток оплачивается единовременно.

Сян Бэй без колебаний согласился, подписал договор и внёс задаток.

Они уже собирались покинуть административную часть, когда сбоку вдруг выскочила внушительная большая жёлтая собака и, настороженно глядя на них, низко зарычала:

— У-у-у...

Директор громко окрикнул:

— Дахуан! Молчать! Назад!

Собака тут же умолкла и нехотя убежала.

— Вот это охранник! — со смехом похвалил Сян Бэй.

Директор тоже засмеялся:

— В прошлом месяце родила шестерых щенков, сейчас детёнышей защищает, поэтому особенно настороженная.

У Сян Бэя загорелись глаза. Он тихо сказал Мэн Наню:

— Давай возьмём щенка? Местные китайские дворовые собаки самые бдительные и неприхотливые. Потом... если вдруг что-нибудь случится, сможет нас предупредить.

Мэн Нань тоже решил, что их огромному двору не помешает такая живая сигнализация. Слух у собаки куда лучше, чем у спящего человека.

Он спросил директора:

— Директор, вы щенков продаёте? Нам очень нравятся такие большие жёлтые собаки.

Тот махнул рукой:

— Да ну, какие деньги за дворняжек! Нравится — забирайте одного. Они как раз от груди отняты, всё равно надо пристраивать: на шахте столько не оставишь.

— Тогда огромное спасибо! — поспешил поблагодарить Мэн Нань.

Директор отвёл их к будке и достал несколько пухлых щенков.

Всего их было шесть: два чёрных, три жёлтых и один чёрно-белый. Всем чуть больше месяца, кругленькие и невероятно милые.

Сян Бэю сразу приглянулся самый крупный и толстый жёлтый щенок.

Директор перевернул его и осмотрел:

— Это кобелёк. Вырастет, наверное, характер будет суровый. Если вам просто для души и хотите ласкового, лучше берите сучку.

Мэн Нань улыбнулся:

— Ничего. Нам как раз нравится посерьёзнее. Пусть двор охраняет.

Большая жёлтая собака рядом увидела, что они взяли её щенка, и тревожно оскалилась, зарычала, но при директоре броситься не решилась.

Сян Бэй прижал к груди тёплого мягкого щенка, и сердце у него растаяло. Он серьёзно сказал собаке:

— Мама-собака, не волнуйся. Мы заберём его в хорошую жизнь и обязательно будем хорошо с ним обращаться.

Мэн Нань вспомнил, что в машине остались говяжьи баоцзы, которые бабушка Сян дала им в дорогу, и быстро сходил за ними.

Он высыпал все десять огромных, с кулак, мясных баоцзы в миску собаки-мамы.

От густого мясного запаха у неё тут же потекли слюни, однако она словно поняла, что эта вкусная еда — «плата» за её ребёнка, и не сразу решилась подойти.

Наконец будто приняла решение: подошла, потёрлась о штанину Сян Бэя. Он наклонился, и тогда она опустила голову и лизнула пушистую шерсть щенка у него на руках — словно прощаясь в последний раз. Лишь после этого склонилась к миске и жадно набросилась на баоцзы.

С неожиданным новым членом семьи на руках Сян Бэй попрощался с директором. Они с Мэн

Нанем решили сразу съездить в ветклинику в уездном центре, полностью проверить щенка и сделать обработку от паразитов.

От шахты они напрямую поехали в город Хума и нашли ветеринарную клинику.

Врач провёл щенку несколько экспресс-тестов, а затем сказал:

— Очень здоровый малыш. Ему почти пятьдесят дней. Сегодня сделаем наружную обработку от паразитов. Понаблюдайте семь дней. Если никаких отклонений не будет, возвращайтесь на вакцинацию и внутреннюю дегельминтизацию.

Сян Бэй спросил:

— Ему уже можно есть корм для собак?

Ветеринар немного удивлённо посмотрел на него — в маленьком уездном городе местных дворняг обычно выращивали на обедках.

— Это обычная дворовая собака, кормите остатками домашней еды. Собачий корм дорогой.

Но Сян Бэй настоял:

— Мы хотим кормить собачьим кормом. В таком возрасте уже можно?

Врач достал с прилавка мешок корма для щенков весом пятьдесят цзиней и две упаковки козьего сухого молока:

— Корм — четыреста юаней, молоко — по семьдесят за пачку. Разводите молоко тёплой водой и размачивайте им гранулы. Когда съест этот большой мешок, примерно тогда уже можно будет перейти на более дешёвый корм для взрослых собак.

У Мэн Наня в Пекине был знакомый, державший породистую собаку, и он слышал, что корм стоит больше двадцати юаней за цзинь.

Глядя на этот корм по восемь юаней за цзинь, он засомневался и тихо спросил Сян Бэя:

— Он такой дешёвый. Нормальный вообще? Не вредный?

Сян Бэй отнёсся к этому спокойно и тоже тихо ответил:

— Конечно нормальный! Вся разница в основном в том, сколько там мяса. Потом будем варить ему побольше куриной грудки, добавлять желтки и всё такое. Увидишь, вырастет крепче тех, кто ест корм по двадцать юаней за цзинь!

<http://bllate.org/book/20311/2028163>